

ВЕДУЩИЙ солист Воронежского театра оперы и балета, завершающего гастроль в Киеве, народный артист РСФСР Евгений Пойманов — человек не просто одаренный от природы. Хороший голос и актерские данные ведь только исходный материал. Огромный, упорный труд, постоянная активная гражданская позиция — вот что сформировало незаурядную творческую личность художника.

— Мне повезло в жизни и в искусстве, — говорит Евгений Иванович. — В раннем детстве познал святую истину: счастье в том, чтобы давать, а не брать. В 12 лет, сразу же после освобождения моего родного Краснодара от фашистских оккупантов, пошел литейщиком на станкостроительный завод. В 13 был бригадиром, в 15 — специалистом высшего класса. Работали столько — сколько надо было, не считаясь со временем. Приносил свой

добными в нынешней освободительной борьбе в Африке.

— Интересно, каким Вы представляете себе Грязного? В Вашем исполнении особенно понравился этот образ.

— Грязной в «Царской невесте» — одна из моих любимых ролей. Мне ближе всего острохарактерные баритоновые партии — Риголетто, Амонасро, Игорь, Томский, Демон, Барнабу. А в советской опере любимейшая — Комиссар в «Брестской крепости» К. Молчанова. Еще назову Сторожева (басовую партию) «В бурю» Т. Хренникова, Олеко Дундича в одноименной опере Г. Ставонины.

Итак, я у Грязного искал человеческое. Начальник сыскного отдела при Малюте Скуратове был, очевидно же, сильным, храбрым, умным удалцом, коль сумел выделиться из опричников. И вот любовь крушит душу. Ария Грязного — страшные разду-

Летние
гастроли

ЖИТЬ

СОВРЕМЕННОМ

пак в семью и видел, какой радостью озарялось лицо матери. Нас у нее было шестеро.

На моем пути встречались замечательные люди, которые, давая, «лепили» меня. Это мои товарищи комсомольцы — я был секретарем комитета комсомола завода. Это член Военного совета нашей армии С. Яковенко — служить довелось в авиации на Кавказе, — который заставил поступить в музыкальное училище. «Пение — твое призвание», — говорил он. Так, служа и дважды в неделю посещая училище, закончил его за два года и поступил в Тбилисскую консерваторию.

В консерватории это был профессор В. Хмаладзе, давший мне очень много. За три года усвоил консерваторский курс. И с 1960-го — в Воронеж. Музыкальный театр открыли «Евгением Онегиным». И я вышел на сцену в заглавной роли. С тех пор много раз прожил 46 жизней — удавшихся или менее удавшихся ролей.

Здесь судьба послала мне прекрасного руководителя. Театр возглавлял А. Людмиллин, один из крупных дирижеров последнего времени. Он, как никто другой, умел раскрыть музыкальный образ, воссоздать его в каждом из нас, учитывая индивидуальность.

Коллектив подобрался крепкий.

Певческую основу театра составляли басы К. Сидорев, А. Тихонов, тенор В. Арбузов — ныне они на пенсии. Но некоторые ветераны (отнюдь не по возрасту) продолжают трудиться — Л. Кондратенко, Ф. Себар, Г. Колмаков. Пополнили состав солистов тенор Б. Ерофеев, бас А. Басалаев, баритон А. Куриленко, учившийся у Паторжинского, молодая перспективная певица З. Митрофанова и другие.

— Со многими мы уже познакомились на киевских гастролях. Отметить нужно, в частности, проникновение в образ Жрицы в «Аиде» Л. Кондратенко, Рамфиса — А. Басалаева. Но вершиной здесь был Ваш Амонасро. Его жизненная правдивость поразительна. Как Вы создавали этот образ?

— Как своего современника. Видите ли, трактовать классическое произведение по-современному — это значит найти в образе то общечеловеческое, которое всегда созвучно нам, связать его со жгучей проблемой сегодняшнего дня. Надо жить современным, а не иждивенцем у современности. Тяжко переживающий свой унизительный плен предводитель эфиопов Амонасро, гордый, жаждущий вырваться, продолжать борьбу, для меня ассоциировался с ему по-

мья: почему же не он, а Лыков избран Марфой. Опыт подсказал, я настоял, чтобы Грязной присутствовал при арии Лыкова в первом акте, сравнил себя с ним. В четвертом акте — полное раскаяние Грязного. Всю жизнь подспудно его снедала жажда красоты и чистоты, олицетворение которой — Марфа. Заимей он ее — стал бы другим человеком. И вот он погубил то, к чему неустанно стремился.

— Из советских опер театр показал на гастролях последнюю работу «Ураган» В. Гроховского. Но за месяц она прошла всего один раз. Тем не менее об образе современника, созданном Вами, писала большая пресса. Имею в виду Вашу любимейшую роль — Комиссара в опере «Брестская крепость». Жаль, что ее не привезли в Киев. «Газета «Правда» Вашего Комиссара называла не оперным героем, а пришедшим из реальной действительности.

— А оно так и было. Когда Молчанов предложил свою оперу, я сразу вспомнил, что на моем родном заводе работал Гаврилов. Да, да, командир 44-го форта, выведенный в книге Смирнова. Я связался с Краснодарским военкоматом, и мы пригласили Героя Советского Союза П. М. Гаврилова к нам консультантом. Начали разыскивать других защитников Брестской крепости и нашли многих — в Краснодаре, Воронеже, Ростове, Волгограде, так что каждый образ у нас имеет прототип. В спектакле участвует вся труппа. Он идет у нас с 1967 года и никого не оставляет равнодушным, где бы мы его не показывали.

Я бесценно выступаю в роли Комиссара. В этом образе — и черты погибшего в Бресте комиссара Фомина, о котором мне много поведали его дочь, жительница Воронежа, Петр Михайлович Гаврилов и — вся моя жизнь...

— Жить современным. Так утверждают и Ваши коллеги. Ведь Вы на протяжении многих лет возглавляли партийную организацию театра. Крассноречивы и такие записи в биографии: депутат областного Совета, член горкома партии, член правления Всероссийского театрального общества. Рассказывали о Вашей нетерпимости к бездельникам, непримиримости к фальши, о чутком наставничестве молодежи. А как Вы относитесь к славе?

— Как к повышению обязательств. Не имею права отбить номер... Хотя она и приятна, — завершает с улыбкой собеседник.

Беседу вела Н. КОШАРА.